

Матвей Поздняков

Парень
из
Афганистана

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Матвей Поздняков
Парень из Афганистана

«Автор»

2026

Поздняков М.

Парень из Афганистана / М. Поздняков — «Автор», 2026

Афганистан, конец 1980-х. Империя на изломе, страна уходит в небытие, а здесь, в пыльном аду Гиндукуша, война давно перестала быть вопросом идеологии. Старший лейтенант Алексей Ветров, идеалист из КГБ, прибывает на службу с четкими представлениями о долге и справедливости. Но реальность, с которой он сталкивается, не имеет ничего общего с приказами из Москвы.

© Поздняков М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	5
Глава 1: Начало конца	6
Глава 2: Чистилище	9
Глава 3: Неприязнь	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Матвей Поздняков

Парень из Афганистана

ДИСКЛЕЙМЕР

Для читателей старше 18 лет. Данное произведение содержит сцены физического и психологического насилия, жестокости, унижения и ненормативную лексику. Оно описывает войну и моральный распад в максимально реалистичном, зачастую шокирующем ключе.

Сюжет затрагивает тяжёлые темы: торговлю людьми, пытки и жестокие допросы, гибель мирных жителей, глубокий кризис, предательство, коррупцию и цинизм как норму выживания.

Если вы пережили травматический опыт, связанный с войной, насилием или глубокой психологической травмой, отнеситесь к чтению с осторожностью или воздержитесь от него.

Произведение является художественным вымыслом, хотя и основано на исторических реалиях. Все персонажи вымышлены, любые совпадения с реальными людьми или случаями случайны.

Глава 1: Начало конца

Самолет Ан-26, прозванный лётчиками «Летающим гробом», ревел над скалистыми хребтами Гиндукуша. В салоне пахло бензином, порохом и потом. Не столько запахи, сколько их смесь – запах Афганистана, как позже скажет ему наставник. Алексей Ветров, прижавшись лбом к ледяному иллюминатору, видел внизу лунный пейзаж: коричневые, оголенные горы, редкие зелёные пятна кишлаков у пересохших рек, серые змеи дорог.

Он прибывал по приказу. Приказ был отдан КГБ, подписанном в здании на Лубянке с гербом СССР. Он помнил холодный взгляд начальника отдела в Москве: «Там нужны люди с головой и руками, Ветров. Остальное – оставь здесь. Твое идеалистическое брюзжание там никому не нужно. Есть задача – выполняй». Алексей тогда кивнул. Он умел служать.

Кабул встретил его не воем моджахедов, а гнетущей, пыльной апатией. Аэродром Баграм напоминал гигантскую свалку металла. По краям взлётно-посадочной полосы ржавели сбитые вертолёты и транспортники. Солдаты в выцветших, пропылённых формах безучастно таскали ящики. В воздухе висело ощущение не войны, а затянувшейся агонии. СССР здесь не умирал – он медленно испарялся, как лужица на раскаленном асфальте.

Его не встретили. Он два часа просидел на ящике из-под патронов у какого-то сарая, который служил чем-то вроде КПП, пока к нему не подошёл сухощавый капитан с пустыми глазами.

– Ветров? За мной.

Они сели в старый «уазик» и понеслись по пыльной грунтовке мимо глинобитных стен. Молчание прервал капитан, не глядя на него.

– Ты к Игорю Николаевичу попал. Поздравляю. Он у нас тут... последний романтик
В словах была такая выдохшаяся ирония, что Алексей понял: это предупреждение.

Командный пункт располагался в бывшей школе на окраине города. Колючая проволока, мешки с песком, пропитанные временем. Внутри пахло плесенью, машинным маслом и заваренным чаем. Его провели в кабинет, где единственным целым предметом мебели был огромный, ободраный сейф. У окна, спиной к свету, стоял человек.

Игорь Николаевич оказался не монолитом, как ожидал Алексей, а скорее, высохшим, закаленным в степи деревом. Лет пятьдесят, лицо – сеть глубоких морщин, прорезанных не смехом, а прищуриванием на палящем солнце или на ветру. Глаза серые, холодные. Он молча оглядел Алексея с ног до головы, медленно закурил.

– Ветров? – Голос был низким, хрипловатым, без интонации. – Отложи свой чемодан. Ты привёз сюда ненужный груз – идеи, иллюзии. Их здесь сжигают в печках, чтобы не замерзнуть ночью.

Алексей вытянулся по стойке смирно:

– Старший лейтенант Ветров прибыл в ваше распоряжение для выполнения служебного задания товарищ!

Игорь медленно выдохнул дым сигары, изучая его.

– Служебного задания – повторил он беззвучно, как будто пробуя странное, забытое слово. – Хорошо. Первое и последнее задание – выжить. И слушать. Ты умеешь слушать, Ветров?

– Так точно.

– Вижу слушать умеешь. Это уже половина дела. Другая половина – разучиться думать так, как тебя учили в Москве. Твой моральный компас здесь только мешает. Он показывает не на справедливость, а в могилу.

– И не зови меня товарищ, как по мне, союзу уже конец.

Он подошёл к карте Афганистана, висящей на стене. Она была увешана пометками, многие из которых были перечеркнуты крестами.

– Видишь это? Это не карта войны. Это карта распродажи. Продаётся всё: оружие, боеприпасы, горючее, медикаменты. Продаются люди. Наши союзники из ДРА, полевые командиры, наши же офицеры... – Он обернулся, и его взгляд стал острым, как шило. – И наша задача, Ветров, не остановить это. Это невозможно. Наша задача – контролировать процесс. Чтобы это не вышло за определенные рамки. Чтобы хаос был управляемым. Понял?

Алексей почувствовал, как у него похолодело внутри. Это была не та лекция о интернациональном долге, которую он слышал.

– Понял, – выдавил он.

– Нет, не понял. Но скоро поймёшь – Игорь подошёл к сейфу, щёлкнул замком и достал толстую папку. Швырнул её на стол. – Держи, изучай.

Алексей сглотнул.

– Что в ней?

Игорь усмехнулся – первый раз. Звук был похож на скрип ржавой двери.

– Любопытно. Это все местные распродажи. Ты будешь помогать мне вести учет, фиксировать маршруты, имена, суммы. Будешь прикрывать тыл и выполнять приказы. Без лишних эмоций. Это твоя школа, Ветров. Урок первый: смотри и записывай. Не пытайся быть героем. Герои здесь быстро становятся статистикой. Или товаром в соседней графе.

– Но... цель? – не удержался Алексей. – Если мы будем просто сидеть, то...

– Цель? – Игорь перебил его, и в его глазах мелькнуло что-то опасное. – Цель – понять механизм. Вся система здесь дышит на отвали, Ветров. А Москва? – Он махнул рукой в сторону севера, будто отмахиваясь от назойливой мухи. – Там сейчас идет своя война. Коридоры КГБ опаснее этих гор. Приказы либо абсурдны, либо их нет. Деньги не идут. Самолеты не летают. Мы здесь – последние динозавры на тонущем корабле. И пока он тонет, некоторые хотят успеть набить карманы. Наша задача – знать, кто и сколько. Это и есть служба сейчас. Служба реализму, а не идеалам.

Он сделал последнюю затяжку и бросил окурочок на пол, раздавив его каблуком.

– Завтра в пять утра здесь. Начнём с захвата информатора. Увидишь всё своими глазами. А теперь иди, найди себе койку в казарме. И выбрось из головы всё, что думал о справедливости. Здесь она измеряется не в понятиях хорошо-плохо, а в долларах и патронах. Мораль – это роскошь, которую не могут себе позволить выживающие. Ты хочешь выжить, Ветров?

– Так точно, – автоматически ответил Алексей.

– Тогда забудь, что ты человек – тихо, но отчетливо произнес Игорь, вновь поворачиваясь к окну, за которым клубилась вечная афганская пыль. – Здесь это диагноз. Со смертельным исходом.

Алексей вышел в коридор. Воздух здесь был таким же спёртым, но без тяжелого присутствия Игоря он казался чуть легче. Из-за тонкой стены доносились обрывки радиопереговоров,

смех, чей-то сдавленный кашель. Он прислонился к прохладной стене и закрыл глаза. В ушах ещё звучал хриплый голос наставника: «Забудь, что ты человек».

Он открыл глаза и посмотрел на свои руки. Они немного дрожали. Не от страха. От чего-то другого – от холодного, ползучего осознания, что всё, во что он верил, весь его мир, остался там, в Москве, в уходящем Союзе. А здесь, в этой пыльной, пропахшей войной и распадом школе, начиналось что-то иное.

В казарме ему указали на кровать без матраса. Рядом спал солдат, укрывшись шинелью, с автоматом в обнимку. Алексей сел, поставил чемодан. Из него он достал только фотографию – старая, ещё школьная, он с родителями на даче. Он посмотрел на свое улыбающееся лицо, на лица отца и матери из другой, невероятно далекой жизни.

Он спрятал фотографию на дно чемодана, под форму, погасил фонарик. В темноте слышалось тяжёлое дыхание спящих, скрип кроватей. И где-то вдалеке – одиночный выстрел и последующая тишина.

Урок первый принят, подумал он. Но уроков, как он смутно чувствовал, будет много. И каждый будет отбирать у него по кусочку того Алексея Ветрова, который всего несколько часов назад смотрел на горы из иллюминатора, ещё веря, что он здесь что-то исправит.

Он еще не знал, что Игорь в своем цинизме был лишь кривым зеркалом, отражавшим правду этого места. И что очень скоро ему придется заглянуть в это зеркало и увидеть там свое собственное, искаженное лицо.

Глава 2: Чистилище

Пыль. Она была повсюду. Мелкая, проникающая в уши, ноздри, под ногти, скрипящая на зубах. БТР, в котором они тряслись уже три часа, был похож на консервную банку, раскаленную адской печкой. Алексей, прижавшись спиной к горячей броне, пытался отдышаться. Рядом, невозмутимый, как скала, сидел Игорь. Он чистил ногти складным ножом, его лицо было непроницаемой маской.

Их сопровождал комендантский взвод – десяток обкуренных, циничных солдат во главе с старшиной Колесниковым по кличке Колесо. У того был живот, свисавший над сиденьем, и вечно мокрые от пота глаза-бинокли.

– Там, в той дыре, – хрипло пояснял Колесо, тыча грязным пальцем в потрепанную карту на коленях, – сидит один тип. Мулави. Не то местный авторитет, не то связной. Говорят, чешет за ухом, когда про новых «деток» речь заходит. Про этого... Талибан, что ли. Из Пакистана ползут. Религиозные фанатики.

Игорь кивнул, не поднимая глаз от ножа.

– Источник?

– Наш крот в одном из комитетов. Не врал пока.

– Пока, – без интонации повторил Игорь. – Этого достаточно.

Алексей смотрел в узкую смотровую щель. Пейзаж за окном был однообразно-пустынным: выжженные холмы, редкие деревца, похожие на клубки колючей проволоки. Ни признака жизни. Только пыль, гоняемая горячим ветром. Страна-призрак. Им предстояло охотиться на призраков в царстве призраков.

Сооружение оказалось не крепостью, а глинобитным, полуразрушенным духаном на краю давно заброшенного кишлака. Стены были слепыми, без окон, лишь одна низкая дверь, обитая ржавым железом. Вокруг – могильная тишина, нарушаемая лишь завыванием ветра в ущелье.

– Обстановка, – тихо скомандовал Игорь, выскакивая из БТР первым.

Солдаты рассыпались цепью, шелкнули затворами. Алексей последовал за наставником, сердце глухо стучало где-то в горле. Он ощущал приторный, знакомый по учениям вкус адреналина, но смешанный с чем-то новым – с холодным предчувствием.

Игорь жестом приказал Колесу выбить дверь. Тот ударил ее сапогом – дерево с треском подалось внутрь. В темный проем полетела светوشумовая граната. Оглушительный хлопок, ослепительная вспышка. Еще не рассеялся дым, как Игорь, пригнувшись, ринулся внутрь, за ним – солдаты. Алексей вошёл последним.

Внутри было темно, пыльно и пусто. Одна большая комната. Запах плесени, овечьего помета и чего-то кислого. В углу тлела самодельная печка-буржуйка. Ни мужчин, ни оружия, ни следов недавнего присутствия группы. Только у дальней стены, прижавшись друг к другу, сидели две фигуры.

Женщина в тёмно-синей парандже, из-под которой виднелись испуганные, огромные глаза. И ребенок, мальчик лет пяти, в грязной рубашонке. Он вцепился в складки одежды матери, не плакал, просто смотрел на незваных гостей широким, животным взглядом ужаса.

Тишина повисла тяжелым, неловким покрывалом. Слышно было только тяжелое дыхание солдат.

– Никого, – пробормотал один из бойцов, опуская автомат.

Алексей выдохнул, чувствуя, как напряжение начинает сменяться горьким разочарованием и стыдом.

– Ловушка – сказал он громко, обращаясь к Игорю – Нас вывели сюда зря. Здесь никого нет.

Игорь не ответил. Он медленно, словно хищник, прошел по комнате, остановился перед женщиной. Его тень накрыла её и ребенка.

– Где Мулави? – спросил он по-дари, его голос звучал спокойно, почти вежливо.

Женщина потрясла головой, что-то быстро и сбивчиво забормотала. Алексей, плохо знавший язык, уловил лишь «нет... не знаю... ушел...».

– Она говорит, он ушел много дней назад, – перевел Алексей, желая поскорее закончить этот фарс. – Она одна с сыном. Игорь Николаевич, надо уходить.

Игорь проигнорировал его. Он присел на корточки, оказавшись на одном уровне с ребенком.

– Мальчик – сказал он все тем же ровным тоном. – Твой папа? Где папа?

Ребенок вжался в мать. Женщина запричитала, обхватив его руками. В её голосе послышалась мольба.

И тут что-то в Игоре щелкнуло. Спокойствие испарилось, его лицо осталось каменным, но глаза зажглись холодным огнем.

– Время кончилось, – произнёс он уже по-русски, больше для себя, и встал.

Он резко схватил женщину за плечо и рванул на себя, отрывая от ребенка. Та вскрикнула. Мальчик заголосил.

– Игорь! – вырвалось у Алексея.

Но наставник уже действовал с пугающей жестокостью. Он прижал женщину к стене, его лицо оказалось в сантиметрах от ее лица.

– Где Мулави? Кто приходил? Что говорили про талибов? – Каждый вопрос он сопровождал резким, встряхивающим движением. Слова лились ледяным потоком, перемешиваясь матерными вставками. – Говори, с*ка, и твой щенок останется цел!

Алексей замер. Его разум отказывался верить. Он видел, как слюна брызнула изо рта Игоря на ткань паранджи, как пальцы наставника впились в плечи женщины до побеления костяшек. Это не допрос. Это издевательство. Это было нарушение всех, даже самых грязных, неписанных правил. Солдаты смотрели в пол или в сторону, лица у них были пустые, привычные. Колесо закурил, прислонившись к косяку.

– Она ничего не знает! – крикнул Алексей, но его голос прозвучал слабо, потерянно в этом пыльном аду.

Игорь обернулся к нему на секунду. Во взгляде не было ни злобы, ни азарта. Была лишь рабочая необходимость, пугающая в своей будничности.

– Молчи, Ветров. Учись.

Он снова повернулся к женщине. Она рыдала, что-то повторяя. Игоря это, видимо, не удовлетворило. Его рука рассекла воздух и задела женщину по лицу – не со всей силы, но с такой холодной, презрительной эффективностью, что та захлебнулась криком и притихла, облизывая рассеченную губу.

В Алексея что-то оборвалось. Картинка распалась на пиксели: плачущий ребенок, кровь на темной ткани, каменное лицо Игоря, равнодушные лица солдат. И вдруг он увидел не настав-

ника, а бездушный, отлаженный механизм насилия, для которого эти двое – лишь препятствие, шум, который надо устранить.

– Хватит! – Голос Алексея прорвался сквозь гул в ушах, грубый, чужой. Он сделал шаг вперед, его рука инстинктивно потянулась к кобуре, но он удержался – Игорь Николаевич! Прекратите! Это же... это бессмысленно! Она ничего не знает!

В комнате воцарилась мёртвая тишина. Даже ребенок перестал плакать, только всхлипывал. Все взгляды устремились на них двоих.

Игорь медленно отпустил женщину. Она сползла по стене на пол, прикрывая ребенка собой. Наставник повернулся к Алексею. Он дышал ровно, лишь легкая искорка чего-то – не гнева, а скорее, любопытства – мелькнула в его серых глазах. Он смотрел на Алексея так, будто впервые увидел не подчиненного, а интересный, непредсказуемый феномен.

Прошло пять секунд, а потом и десять. Пыль кружилась в луче света из проломленной двери.

– Ты сломал протокол, Ветров, – тихо сказал Игорь. В его голосе не было упрека, а только констатация факта.

– Протокол... – Алексей с трудом выговаривал слова, его тело дрожало от выброса адреналина и стыда. – Это не протокол. Это...

– Это то, что здесь работает, – закончил за него Игорь. Он вытер ладонь о брючину, как будто стирая с нее невидимую грязь. Потом его взгляд скользнул по женщине, по ребенку, по солдатам. Он взвесил что-то. Рассчитал. И, видимо, пришел к выводу, что добыча информации здесь и сейчас уже невозможна. Не из-за принципов Алексея, а из-за сломанной динамики допроса.

– Всё – резко скомандовал он. – Выходим, здесь пусто. Старшина, обыскать периметр на предмет тайников. Быстро.

Он прошел мимо Алексея, не глядя на него, и вышел на ослепительное солнце. Солдаты, недоуменно переглянувшись, потянулись за ним. Колесо пнул ногой грудку трепья в углу и вышел.

Алексей остался стоять в центре комнаты. Он смотрел на женщину. Она не смотрела на него. Она прижимала к себе сына, её плечи дрожали. В её глазах не было благодарности. Был только ужас, сменившийся теперь на животную, глухую ненависть ко всем им, к этим пришедшим извне людям в одинаковой форме, которые приносят только боль.

Он хотел что-то сказать. Но слова застряли комом в горле. Они были бы неуместны здесь. Он просто развернулся и вышел, спотыкаясь о порог.

Снаружи Игорь, уже стоя у БТР, закуривал. Он взглянул на Алексея, вышедшего последним.

– Садись. Обратная дорога будет долгой. Есть время подумать.

Алексей молча вскарабкался в машину. БТР рывкнул, развернулся, подняв тучи пыли. Алексей в последний раз взглянул на темный прямоугольник духана. Там, в полутьме, мелькнуло пятно синей ткани. Потом пыль скрыла все.

В трясущемся, грохочущем чреве БТРа Игорь, не оборачиваясь, сказал в пространство, но Алексей понял, что слова адресованы ему:

– Твое сострадание, Ветров – это не сила, это дыра в броне. В нее когда-нибудь попадут. И убьют. Не тебя одного. Сегодня ты спас свою совесть. Завязал её в тряпочку, спрятал подальше. Молодец. Но запомни: тот, кто там остался – он тебя не благодарит. Он тебя ненавидит, а того, кого мы искали, теперь предупредят. И в следующий раз, когда мы встретим его людей, они будут готовы. И убьют кого-нибудь из наших. Возможно даже тебя. Вот цена твоей чистой совести. Подумай над арифметикой.

Алексей молчал. Он смотрел на свои руки. Они все еще дрожали. Но теперь не от адреналина, а от понимания. Он вступил в схватку не с системой, он вступил в схватку с её самым совершенным инструментом. И первое же столкновение показало ему пропасть, через которую ему предстояло перейти, или в которую предстояло – упасть.

Глава 3: Неприязнь

Сон не шёл. Он был не невозможен, а ненужен. За закрытыми веками Алексей вновь видел синее пятно паранджи, кровь на губе, каменное лицо Игоря и главное – свой собственный голос, который прозвучал так жалко и неубедительно в той пыльной комнате. Слова наставника о цене совести висели в сознании тяжелыми, отравленными гвоздями.

Казарма дышала. Храп, скрежет зубов, бормотание спящих солдат в ночных кошмарах. Воздух был спертым, густым от запаха невымытых тел и страха. Алексей осторожно поднялся с кровати, надел сапоги и вышел, стараясь не скрипеть ржавыми пружинами.

Ночь в Афганистане была не черной, а фиолетово-синей, огромной и ледяной. После дневного пекла холод обжигал легкие. Звезды – яркие, незнакомые, чужие – висели низко, словно их можно было задеть головой. Где-то вдалеке, за периметром из колючей проволоки и мешков с песком, завывала собака или шакал. Разницы уже не было.

Он прислонился к стене мазанной пекарни, из которой еще тянуло слабым запахом гари. Достал из нагрудного кармана сигару – недорогую, «Трудовую резерву», подарок от отца на отъезд. «На мирных, сынок». Мирных... Он чиркнул зажигалкой. Пламя осветило на мгновение его руки – уже не дрожащие, но как будто чужие. Руки человека, который сегодня допустил насилие и слишком поздно попытался его остановить.

Он затаился, и едкий дым ударил в горло. Он закашлялся – это была его первая сигара. Просто хотелось занять руки, сделать какой-то простой ритуал.

Тени отделились от большей тени казармы. Их было трое. Шли неспешно, по-хозяйски. Алексей узнал их: двое из взвода Колеса, а впереди – сам старшина. Колесо шел, раскачиваясь, в расстёгнутой гимнастёрке, из-под которой выпирал жирный живот. Его глаза блестели в темноте.

– О, смотри-ка, наш столичный цыпленочек воздухом дышит, – хрипло произнёс Колесо, останавливаясь в паре метров. Его спутники, угрюмые, как скалы, встали по бокам, отрезая пути к отступлению. – Совесть проветриваешь, герой?

Алексей молчал, опустив руку с сигарой. Адреналин, холодный и острый, снова затопил тело. Но он стоял на месте.

– Ты сегодня испортил нам работу – продолжил старшина, делая шаг вперед. От него пахло перегаром. – Мы там не на пикник ездили. Мулави – сука важная. А ты своим писком... – он презрительно сморщил нос – всё дело в грязь затаил. Игорь конечно церемонится с новичками. А мы нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.